

му гуманизму и моральному идеализму, прежние и нынешние критики писателя в упор не видят присутствия Бога в символе веры 1854 года. Однако Бог, который посылает Достоевскому минуты любви, покоя, ясности и святости, в символе веры все же весит, наверное, несколько больше, чем в строке из басни Крылова «Вороне как-то Бог послал кусочек сыру». Однако в современной исследовательской среде культивируется норма — не верить Достоевскому на слово и уличать его, по примеру Леонтьева, в «празднословии». Религиозность Достоевского подвергается «отрицательному» рецензированию со стороны скорее правоверной (то есть идеологической), чем православной критики, точно так же, как в советское время мировоззрение Достоевского подвергалось критике марксистской: Достоевский «не понял», «не учел», «не увидел» и т. п.

Однако каждого «идейного» критика всегда сможет затмить кто-то еще более «идейный» — кто еще более «тверд», «правилен», «верен учению». Так было и в случае Леонтьева: несмотря на всю «церковность» и «правильность» его религиозных деклараций, он как философ и мыслитель удостоился от современников характеристик не совсем адекватных его мнению о себе. Феррапонтовский подход — недоверие к вере верующих — был, как ни странно, применен и к самому Леонтьеву: его обвиняли в демонизме, историческом сатанизме, аморализме, цинизме, ницшеанстве и прочих, весьма далеких от православия, уклонениях¹⁵. С другой стороны, С. Н. Трубецкой говорил о дилетантизме Леонтьева во многих центральных философских вопросах и об отсутствии у него «настоящего исторического образования и еще более философского понимания истории»¹⁶.

¹⁵ См. об этом: А. Ф. Лосев. Владимир Соловьев и его время. М., «Прогресс», 1990. С. 526—537.

¹⁶ С. Н. Трубецкой. Разочарованный славянофил. — С. Н. Трубецкой. Собр. соч. Т. 1. М., 1907. С. 198.

Настойчивое, согласное оппонирование символу веры Достоевского в современных исследованиях, достигнув уже некоего критического качества, вызывает соображения, обратные расчетным.

ХОЧУ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ на факторы, которыми, кажется, сильно пренебрегают исследователи. А именно: адресат и реальные обстоятельства письма*.

Личность Н. Д. Фонвизиной (1803—1869) — жены декабриста М. А. Фонвизина, которая после смерти мужа связала свою судьбу с лицейским другом Пушкина умирающим И. И. Пущиным (Фонвизина и Пущин прожили вместе всего два года); которая, по одной из версий (а именно эта версия признавалась ссыльными декабристами), была бесспорным прототипом Татьяны Лариной; женщина, которую Лев Толстой хотел сделать героиней своего романа о декабристах, когда прочитал рукопись ее «Исповеди», — достаточно подробно описана в литературе¹⁷. Хорошо известны и обстоятельства знакомства с ней Достоевского в январе 1850

¹⁷ См. С. Н. Кайдаш. Сила слабых. Женщины в истории России (XI—XIX век). М., «Советская Россия», 1989. С. 181—227; М. М. Громыко. Сибирские друзья и знакомые Ф. М. Достоевского. 1850—1854 гг. Новосибирск, «Наука», 1985. С. 69—116.

* Письмо Достоевского было послано неофициальным путем (не известно, каким именно) до отъезда в Семипалатинск, куда ссыльный Достоевский был отправлен 23 февраля 1854 года. Другие письма Достоевского к Н. Д. Фонвизиной не сохранились; подлинник письма 1854 года неизвестен.